

**СТАНОВЛЕНИЕ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА КАК СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.**

© 2015 Д.В. Васильев

Институт государственного управления, права и инновационных технологий, г.Москва

Поступила в редакцию 27.05.2015

В статье рассмотрен начальный этап формирования административной системы в Калмыцком ханстве. Показаны процессы вхождения калмыцкой элиты в социальную структуру России, создания правительством параллельных органов управления волжскими калмыками.

Ключевые слова: ойраты, Калмыцкое ханство, история России, административная политика, система управления.

Начало планомерного принятия калмыками российского подданства следует отнести к 1607 г., когда русским правительством были инициированы переговоры по этому поводу между тарским (Тара – ныне город в Омской области) воеводой князем С.И. Гагариным и представителями калмыцкой знати. В том же году в Таре присягу российскому государю принесла делегация части прикочевавших к России калмыков (дербетов) во главе с тайшой Далай-Батыром. Фактически это означало установление российского покровительства над калмыками, которое носило договорный характер и было основано исключительно на добровольности и взаимной выгоде. Через год в Москве побывала довольно представительная делегация калмыков (дербетов и торгутов), которая оговорила с царем Василием Шуйским условия подданства. Переговоры о подданстве продолжались до 1610 г. и были прерваны обострением кризиса Смутного времени.

Период русско-калмыцких столкновений 1612-1613 гг. завершился периодом мирных переговоров 1614-1616 гг., которые велись с переменным успехом. В 1618 г. в Москве послы Далай-Батыра получили Жалованную грамоту государя Михаила Федоровича, которая утверждала российское подданство его калмыков. Принципиальное отличие этой грамоты от предыдущих дипломатических документов состояло в том, что вместо уплаты ясака и дачи аманатов царское правительство требовало теперь от новых подданных военной службы. Позднее в подданство были приняты калмыки тайшей Хара-Хулы, Хо-Урлюка, Чугюра и др.

Следует признать, что если поначалу отношения России с калмыками основывались на принципе самостоятельности отдельных их владений в составе царства (вассалитет) и носили договорный характер, то позднее приобрели абсолютно

зависимый административный характер, когда калмыки оказались встроенными в общегосударственную социально-политическую систему, а их правители влились в российскую вертикаль управления: царь – приказы – воевода – тайша. Однако эти отношения закреплялись лишь устными шертями, не единожды заключавшимися и нарушавшимися обеими сторонами.

Во второй половине 1630-х гг. формируются Джунгарское и Хошутовское ханства, часть калмыков во главе с сыном Хо-Урлюка Дайчином оседает в междуречье Волги и Яика. В начале 1640-х гг. на правый берег Урала прибыл и сам Хо-Урлюк с зависимыми от него калмыками.

Известный историк волжских калмыков Н.Н. Пальмов считал, что первая шерть «на послушание московскому царю» была дана калмыцкими тайшами в 1645 г. Он отмечал, что «калмыки давали шерти с большой неохотой, – одна только крайняя необходимость заставляла их делать это. Они понимали, что обязательство состоять под высокою рукою московского царя и сохранять ему послушание ведет к ограничению национальной свободы, и что дальше это может вести к тому прямому холопству, в каком калмыки ни у кого и никогда не бывали. Считая шерти данными по принуждению, калмыки легко смотрели на них и не находили ничего преступного в их нарушении»¹.

4 февраля 1655 г. послы калмыцких тайшей Дайчина, Лоузана, Санжина, Мончака и Нима-Серена заключили с Москвой договор (шертную запись), по которому калмыки обещали быть в «вечном послушании, сохраняя при этом самостоятельность и самоуправление внутри Российского государства и принимая на себя обязательства военно-политического характера»². Вечное послушание следует рассматривать как форму покровительства (протекторат), оказываемого калмыкам Россией, которые не были завоеваны силой, но добровольно признали над собой верховную власть страны, на территории которой поселились. Политические отношения между калмыками и центральным правительством

Васильев Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных и общенаучных дисциплин. E-mail: dvvasiliev@mail.ru

регулирулись через посланцев обеих сторон, выступавших посредниками в решении, как правило, текущих актуальных вопросов. В соответствии с условиями записи царское правительство выделяло для калмыцких кочевий земли по Нижней Волге и направляло в калмыцкие улусы своих уполномоченных (посыльщиков). А через два года в Астрахани появились первые аманаты от тайшей Дайчина и Манжика. Подписанная 30 марта 1657 г. шертная грамота впервые четко фиксировала место калмыков в России – «быть в вечном подданстве и послушанье»³.

В начале 60-х годов XVII столетия начинается процесс консолидации волжских калмыков вокруг единого лидера, которым стал тайша Мончак. 9 декабря 1661 г. от имени всех волжских тайшей и кочевавших с ними иноплеменников он дал новую шерть царю Алексею Михайловичу. Этот документ подтвердил сохранение института царских посыльщиков в Волжскую Калмыкию (в первую очередь, уполномоченных по военным делам). При этом произошел отказ от института аманатов. Но не потому, что Москва стала уж слишком доверять новым подданным. Правительство со временем фактически превратило калмыцкую знать в привилегированный слой государевых слуг, определив им жалованье и поставив под непосредственный контроль российской администрации. С другой стороны, гарантиями выполнения калмыками своих обязательств стало привлечение их к участию в военных походах и периодические присяги, осуществлявшиеся с соблюдением буддийских обрядов⁴.

Итак, со второй половины XVII в. калмыки стали российскими подданными, получив для своих постоянных кочевий огромную территорию на Нижней Волге. При этом они стали довольно надежной опорой России на юге и мощной военной силой, обеспечивавшей интересы страны на этом направлении. Вхождение волжских калмыков в состав Российского государства фактически привело к формированию на Волге Калмыцкого ханства. Этот процесс вполне совпадал с интересами Москвы, которая до поры до времени не вмешивалась активно во внутренние дела своих новых подданных.

Считается, что официальное признание Калмыцкого ханства произошло в 1664 г., когда тайше Мончаку от имени царя были вручены символы власти – позолоченная булава и знамя с изображением российского герба и полумесяца⁵. Когда позднее российские императоры признавали (и утверждали) казахских ханов, они целенаправленно избегали вручения им знамени и каких-либо иных символов власти, дабы те и не думали сравнивать свое положение со статусом калмыцких ханов. В столице делами калмыков ведал Калмыцкий приказ (упоминается в 1661 г.).

Однако вопрос о происхождении Калмыцкого ханства до сих пор остается предметом научной

дискуссии⁶. Чрезвычайно интересным представляется замечание М.М. Батмаева, поддержанное Е.А. Команджаевым. Хо-Урлюк и его последователи, ставшие во главе государственного строительства у волжских калмыков, были торгутами и уступали в родовитости дербетским и хошутским тайшам. А потому «сохранение лидерства требовало непрерывных усилий, предприимчивости, рискованных военных и дипломатических поступков. В этом смысле такие действия Хо-Урлюка в отношениях с русской администрацией, как убийство послов, отказы от шертования, несанкционированное занятие территорий для кочевий, нападение на российских подданных и т.п., представляющиеся для современного восприятия импульсивными, авантюристичными, грозящими осложнениями в будущем, на самом деле были глубоко оправданными и необходимыми с точки зрения тогдашнего текущего момента. Пассивность оказывалась страшнее возможных военных и дипломатических неудач. Она обрекала на политическую смерть. Не случайно первые лидеры нарождавшейся калмыцкой государственности, если не погибали в бою, то уходили с политической сцены раньше, чем из жизни»⁷. Неоднозначные отношения с Россией, в том числе периодические нарушения шертей, не должны нас отвлекать от той мысли, что именно в российском признании калмыцкие лидеры черпали одно из оснований легитимности своей власти. Поэтому вслед за нарушением шерти следовало новое шертование, причем в те периоды, когда это было необходимо для подкрепления централизаторских тенденций внутри калмыцкого общества.

Власть стоявших во главе Калмыкии ханов (наместников ханства) не была суверенной. Она ограничивалась контролем со стороны царского правительства и региональной администрации, а также правами владельцев калмыцких улусов. Тем не менее хан в той или иной степени являлся верховным правителем всех волжских калмыков, сосредоточивавшим в своих руках высшие административные, законодательные, военные и судебные полномочия. Менее значительные вопросы хозяйственной жизни находились в ведении тайшей улусов (нойонов), на которые подразделялось Калмыцкое ханство. Постоянная борьба тайшей за власть, их сепаратизм умело использовались царским правительством, заинтересованным как в укреплении ханской власти, так и в сдерживании роста авторитета верховного правителя во избежание консолидации ханства и превращения его в более значимый субъект Российского государства. Есть основания полагать, что при калмыцких правителях (ханах, наместниках) существовал княжеский совет из его родственников, улусных правителей и нескольких должностных лиц в качестве совещательного органа⁸. Этот инструмент и был призван способствовать укреплению централизации ханства.

Со временем главным исполнительным органом и высшей судебной инстанцией ханства стал Зарго, во главе которого стоял сам хан (старший тайша), а его помощником, обладавшим судебными полномочиями, был дархан. Кроме судебных решений в Зарго составлялись официальные документы (донесения ко двору, письма к российским командирам, ханские указы), подписывавшиеся ханом и заверявшиеся его печатью⁹. Среди высших чиновников были тайные советники (даян дутоно), дипломатические чиновники (элчи), писцы (бичачи). В качестве отдельных служб оформилось дворцовое управление, ведавшее в том числе и сбором налогов, и личная охрана хана и ханши. Во главе улуса стоял наследственный нойон, который осуществлял свои функции через чиновников (нутук отокин тушимэт или дарга) и демчи (помощник начальника). Улусы состояли из аймаков, возглавлявшихся сайт-зайсангами (старший зайсанг). При нем состояли сборщики налогов (албачи) и их начальник (албачи-зайсанг). Аймак делился на части из сорока кибиток во главе с демчи (помощником сайт-зайсанга и старостой сорока кибиток), те, в свою очередь, на части из двадцати кибиток во главе со старостой шуленгой. Десять кибиток возглавлял староста арванах¹⁰.

В 1673 г. тайша Аюка принес оформленную по всем правилам тогдашних правовых документов шерть царю Алексею Михайловичу, закрепив тем самым свой статус правителя ханства. Текст шерти указывает на неизменность характера взаимоотношений между Калмыцким ханством и Россией. Подданство сохранило добровольно-договорной характер, прямой администрации для калмыков создано не было, а все сношения осуществлялись через посредство «посыльщиков». При этом внешние связи калмыков запрещались¹¹.

Прикочевка к калмыкам новых улусов и нарушения условий шерти 1673 г. вынудили правительство потребовать подписания нового документа. Шерть тайшей Аюки и Замсы 1677 г. еще более жестко ограничивала внешние сношения калмыков. Но важнее подчеркнуть, что этот документ фиксировал «совершенное повиновение Российской державе» и личную клятву калмыцких тайшей на вечное и неотступное подданство¹². Но и при этом шерть царю Федору Алексеевичу констатировала договорной характер документа¹³.

Осложнение отношений между калмыками и башкирами с казаками (взаимные набеги) вызвало нарушение условий шерти обеими сторонами. Поэтому в 1681 г. была подтверждена прежняя шерть, а в 1684 г. Аюка принес новую российским государям Ивану и Петру Алексеевичам, которая также не содержала заметных ограничений калмыцкой автономии и лишь подтверждала вечное и неотступное подданство и послушание¹⁴.

В 1690 г. далай-лама признал Аюку ханом¹⁵. Спустя семь лет и император Петр назвал его

ханом официально¹⁶. Более того, считается, что Петр I вообще предоставил Аюке полноту власти на южных границах империи¹⁷. Следует признать, что калмыки довольно часто свои обязательства перед царским правительством выполняли исправно. К тому же стремилась и центральная власть. При этом подданныческие отношения продолжали сохранять договорной характер. Однако благополучное развитие дел с Россией не гарантировало спокойствия внутри Калмыцкого ханства. Привлечение калмыков на российскую военную службу усугубило внутривидовые противоречия. Осложнились отношения с Джунгарией, охотно принимавшей откочевавших от Аюки калмыков.

Отношения между отдельными владельцами внутри Калмыцкого ханства определялись двумя диаметрально противоположными тенденциями. С одной стороны, нойоны, обеспокоенные необходимостью удерживать рядовое население в повиновении, желанием расширять территории своих кочевий и защищать их от происков соседей, были заинтересованы в укреплении ханской власти. С другой, кочевой (экстенсивный) тип скотоводческого хозяйства как таковой толкал их на борьбу друг с другом за власть в улусах и контроль над пастбищами. И эта вторая тенденция ослабляла не только власть хана, но и сами улусы особенно перед лицом внешней угрозы. Именно она вынуждала нойонов консолидироваться. А утверждение внешней стабильности неминуемо влекло за собой рост внутренней напряженности в ханстве, чем не упускало возможности воспользоваться правительство. Оказание покровительства и материальной поддержки некоторым владельцам позволяло российской столице вмешиваться во внутренние дела калмыков¹⁸.

Характеризуя политику правительства в отношении Калмыцкого ханства в XVII в., Н.Н. Пальмов отмечал, что оно «...стремилось сделать калмыцкого хана послушным исполнителем своих распоряжений и для этого укрепляло по временам положение хана. В калмыцкую жизнь оно вносило то начало централизации власти, которое калмыкам было довольно чуждо. Для калмыцких тайшей хан был только первым среди них <...>. Теперь патриархальные отношения подвергались крупным изменениям; полнота власти над народом сосредоточивалась в руках хана; тайши должны были оказывать ему повиновение всегда и во всем»¹⁹. Иными словами, ханская власть в российской интерпретации стала конструктом, который, с одной стороны, в большей степени гарантировал правительству консолидированную лояльность калмыков, а с другой, увеличивал собой угрозу их совместных, в том числе антиправительственных, действий.

5 сентября 1710 г. Аюка и другие крупные калмыцкие тайши подписали договор «О подданстве хана Аюки со всеми тайшами и с людьми его Российскому государю» с казанским и

астраханским губернатором П.М. Апраксиным, представлявшим императора²⁰. Оформленный по всем правилам официального делопроизводства того времени, этот документ фиксировал российско-калмыцкие отношения в новых условиях. С одной стороны, он оставлял Калмыцкое ханство субъектом договорных политических отношений России, признавал Аюку ханом, признавал заслуги калмыков в военной помощи империи, повышал жалование хану и калмыцким тайшам и т.д. С другой стороны, Аюка дал обещание верно служить российскому государю. Этот документ дает нам основания признать, что вассальный статус Калмыцкого ханства в составе Российской империи оформился окончательно.

Договор 1710 г. значительно укрепил положение Аюки и дал ему возможность усилить центральное управление ханством. В 1714 г. хан официально объявил преемником своего старшего сына Чакдорчжаба и, несмотря ни на что продолжал вести заметную внешнеполитическую деятельность. Сам император, называя Аюку верным подданным, заключал с ним договоры и фактически продолжал считать калмыцкого хана своим союзником. Все это убеждает нас согласиться с мнением Н.Н. Пальмова о том, что «в представлении высшей русской власти Аюка был *полунезависимым* (курсив мой. – Д.В.) ханом»²¹.

При этом Петр I начал предпринимать шаги, направленные если не на то, чтобы ограничить власть калмыцкого хана, то во всяком случае на то, чтобы поставить Аюку под контроль. В 1715 г. хан обратился к российскому государю с жалобой на набеги башкир, каракалпаков, крымских и кубанских татар. В ответ на это царь Петр повелел стольнику Дмитрию Бахметеву отправиться в ставку к хану Аюке с отрядом в 600 человек. Согласно особой инструкции царскому агенту надлежало находиться при хане неотлучно, охранять калмыков, наблюдать за тем, чтобы калмыки воздерживались от всякого рода сношений с турецкими подданными, сообщать обо всех важных делах начальству, а также «...подавать... ему, хану Аюке, о всяких делах советы»²². Вскоре Аюка добился перевода Д.Е. Бахметева в Саратов²³. Но калмыцкому хану уже было не избежать попадания под формирующуюся вертикаль российской администрации калмыков: «пристав» при калмыцком хане – губернатор – Коллегия иностранных дел.

Именно с назначением стольника Бахметева к калмыкам принято связывать начало ограничения калмыцких прав царским правительством, которое усилилось при первом астраханском губернаторе А.П. Волынском и приобрело системный характер после смерти Аюки. Его чрезвычайно высокий авторитет среди калмыков не позволял российской администрации вести себя с ханом как с рядовым племенным вождем. Тем не менее процесс вхождения калмыцкой элиты в

общеимперскую в начале XVIII в. принял уже необратимый характер. Тайши, нойоны и зайсанги из родовых предводителей стали постепенно превращаться в администраторов, наделенных полномочиями, близкими к воеводским и помещичьим. Сам хан стал позиционировать себя как единовластный господин, управляющий своим народом с помощью свиты из тайшей, нойонов и зайсангов. При этом значимость и роль каждого из них укреплялись уже не столько владельческими правами, сколько близостью к хану и вовлеченностью в административно-властные отношения. Причиной этого стало включение Калмыкии в административное пространство России. Отсюда хан и его окружение черпали легитимность своих разросшихся прав и привилегий. Может быть, именно поэтому, несмотря на постоянное бытование мечты о возвращении на родную землю, волжские калмыки продолжали оставаться в пределах империи, выбирая из двух зол меньшее.

В 1720 г. Артемий Петрович Волынский получил особую инструкцию Сената, определявшую основные принципы отношения к калмыкам местных представителей российской администрации²⁴. Губернатору предписывалось проявлять «доброе и ласковое обхождение» ко всем калмыкам, общаться с ними, учитывая их обычаи, оберегать калмыков от любых притеснений и несправедливостей. При этом следовало предпринять старание, дабы удерживать их в полном послушании российскому правительству. Особо от губернатора требовалось определить к Аюке, его сыну Чакдорчжабу и другим наиболее важным калмыцким тайшам своих явных и тайных представителей, «...через которых бы обо всем, что у них делается, он мог выдать, и вредительное его царского величества интересам, предостерегать: особливо же отводить их от дружбы с турки, першаны, с крымцы и кубанцы»²⁵. Кроме того, губернатору следовало принимать меры к развитию торговых связей с нерусскими подданными, к распространению среди них православия²⁶.

В то же время правительство задумывалось о предстоявшей смене престарелого хана Аюки. В 1722 г. командиром охранного отряда при калмыцком хане стал В.П. Беклемишев, которому и предстояло участвовать в подборе наиболее приемлемой кандидатуры. Тогда же Петром I было принято решение весьма лояльного правительству и влиятельного нойона Доржи Назарова «...за добрые его поступки по смерти Аюки-хана пожаловать калмыцким ханом, только б в верности дал он, Доржи, в аманаты сына своего»²⁷. Следует подчеркнуть, что это решение было принято тогда, когда был еще жив назначенный самим Аюкой преемник Чакдорчжаб. Иными словами, царская администрация впервые явно вмешалась в дела калмыцкого хана, которые тот считал своей прерогативой.

Совсем на краткое время в 1722 г., между отстранением Бахметева и назначением Беклемишева, к хану Аюке был определен подполковник Н. Львов, которому также было дано особое предписание. Оно было обширней инструкции Д. Бахметеву, что вызывалось открывшейся возможностью действовать в отношении калмыков более конкретно. Так как военный отряд был откомандирован в Астрахань, а безопасность калмыков поручена астраханскому губернатору, то Львову не оставалось ничего кроме как обращаться за военной помощью в центр губернии. Теперь в случае опасности калмыки уже никак не могли обойтись без губернских властей. Инструкция фактически официально признавала Львова политическим агентом правительства и требовала от него обо всех предосудительных действиях хана, улусных владельцев и простых калмыков докладывать губернатору. На него возлагалась обязанность следить за политическими настроениями в ханстве, за соблюдением верности российскому престолу и за внешнеполитической активностью местных властей. Важными новшествами, в сравнении с инструкцией Бахметева, были указание на посредничество агента в судебных делах между калмыками и русскими и требование о поиске возможного кандидата на ханский престол после смерти Аюки. В этом плане ему поручалось выяснить, кого из своих детей хан хочет сделать наследником власти, и внушать возможному претенденту чувства верности правительству. При этом надлежало выяснить настроения других владельцев в отношении приемлемой для них кандидатуры. Более того, полковнику давалась возможность подобрать и своего кандидата на ханское место и его также «ласкать и приводить к склонности»²⁸. Те же пункты были повторены в инструкции, данной Коллегией иностранных дел преемнику Львова капитану В.П. Беклемишеву 24 декабря 1722 г.²⁹

Постепенно уходили в прошлое времена, когда калмыцкие тайши и нойоны могли самовластно распоряжаться в своих владениях. И царское правительство располагало достаточными ресурсами для того, чтобы не допустить их возврата. Иными словами, хан фактически терял легитимность верховного правителя, чье право на власть было освящено традицией и религией, постепенно превращаясь в правительственного агента в Калмыцкой степи. Хотя собственно у волжских калмыков традиция ханской власти еще находилась в стадии становления, но у них все равно сильны были традиционные монгольские представления о хане как естественном, «природном» и законном верховном владетеле.

Отказ Доржи Назарова сделал единственным реальным кандидатом на ханский престол второго сына Аюки Церен-Дондука. 19 сентября 1724 г. он, тайши и другие калмыцкие владельцы присягнули на верность российскому государю, а

зайсанги дали императору шерть повиноваться ханскому наместнику впредь до назначения нового хана³⁰. Наместническая присяга требовала от Церен-Дондука верно служить императору и исполнять его указы, удерживать своих подданных от антироссийских проступков, не вести международных сношений, осуществлять справедливое судебное преследование на калмыцкой территории, защищать имущество и благосостояние калмыков³¹. Текст присяги вполне однозначно свидетельствует о явном смещении обязательств в сторону калмыцкого правителя. В нем не чувствуется договорного духа, зато присутствует довольно жесткий императив, подталкивающий наместника ханства к уровню государственного чиновника, дрейфующего к включению его в состав механизма единого государственного управления, постепенной эфемеризации автономности Калмыцкого ханства и утрате остатков внутреннего суверенитета. Примечательно, что сам наместник и другие владельцы под разными предлогами отказались приложить к тексту присяги свои печати. Не исключено, что все участники действия (или большинство) воспринимали это как временную меру, своего рода передышку в борьбе за власть и освобождение от давления Волынского и царской администрации. 22 февраля 1725 г. императрица Екатерина I своим указом утвердила Церен-Дондука наместником Калмыцкого ханства³².

Лишь в условиях серьезного кризиса внутри калмыцкого общества императрица Анна Иоанновна в 1731 г. возвела Церен-Дондука в достоинство калмыцкого хана³³. Это произошло без всякого ритуала избрания. Решение было принято перед угрозой возможного провозглашения Церен-Дондука ханом от имени китайского императора, посольство которого в январе того же года прибыло в Москву³⁴. Имперское правительство не желало выпускать из своих рук контроль над Калмыкией. Принятое на себя новым ханом обязательство «...быть верным, добрым послушным подданным, ...всем народом калмыцким служить верно, как подданному надлежит...»³⁵ и то обстоятельство, что верховный титул в ханстве присваивался теперь исключительно носителем верховной власти в империи, свидетельствуют о свершившемся, во всяком случае формально, превращении Калмыкии в неотъемлемую составную часть Российского государства.

К 1735 г. власть Церен-Дондука окончательно ослабла, и его судьба была решена. Правительство вступило в переговоры с находившимся на Кубани внуком Аюки Дондук-Омбо³⁶, к которому в том же году перешла власть над калмыками, а спустя два года и ханский титул³⁷.

Краткое, до 1741 г., правление Дондук-Омбо ознаменовано активным участием калмыков в военных действиях России на Северном Кавказе и косвенно связанным с этим усилением внут-

ренной централизации и самостоятельности хана в управлении внутренними делами. Поэтому вполне понятно, что царская администрация, следуя своим имперским интересам, в это время оказывала заметную поддержку противнику хана Дондук-Даши. Придя к власти, Дондук-Омбо не утратил жажды отмщения своему принципиальному сопернику Дондук-Даши. Но «у правительства насчет Дондук-Даши были свои планы. Во многом идя навстречу Дондук-Омбо и вручая ему управление ханством, царское правительство не забывало о «балансе» сил среди калмыцких владельцев и было озабочено созданием новому управителю противовеса в лице авторитетного, сильного улусами и послушного центральной власти владельца. Таковым был Дондук-Даши. Потому-то на просьбу Дондук-Омбо об удалении его из улусов правительство ответило отказом»³⁸. Астраханскому начальству было предписано всеми силами охранять Дондук-Даши, стараться примирить соперников. В противном случае его следовало укрыть в одном из нижеволжских городов. По всей видимости, царская власть предполагала сохранить потенциального претендента на ханский стол на случай непредвиденных событий. И эта запасливость не оказалась излишней.

Со смертью Дондук-Омбо борьба за власть в калмыцкой верхушке приняла самый жесткий характер. Покойный хан намеревался получить от Далай-ламы ханский титул для своего сына Рандула. Узнав об этом, правительство вознамерилось получить от калмыцких владельцев прошение о назначении ханом того, «кого российский двор соизволяет»³⁹. Вместо верноподданнического прошения степь сотрясли династические вооруженные столкновения. В итоге, вопреки завещанию скончавшегося хана, престол в 1741 г. был передан наместнику Калмыцкого ханства сыну Чакдорджаба Дондук-Даши. Несмотря на то, что присяга нового правителя не отличалась от прежних, правительству удалось вытребовать от Дондук-Даши его единственного сына в качестве аманата, что не могло пройти бесследно ни для самого владетеля, ни для его подданных. Известный историк К.Н. Максимов считает, что причиной этого аманатства было не только желание поставить действия калмыцких властей под жесткий контроль правительства, но и более важная причина – предотвращение откочевания калмыков в Джунгарию⁴⁰.

Переселение калмыков на Волгу в середине XVII в. привело к формированию в полном смысле автономного Калмыцкого ханства. Этот процесс вполне совпадал с интересами Москвы, которая до поры до времени не вмешивалась активно во внутренние дела своих новых подданных. Калмыцкий хан являлся верховным правителем всех волжских калмыков, сосредоточивавшим в своих руках высшие административные, законодательные, военные и судебные полномочия. Менее

значительные вопросы хозяйственной жизни находились в ведении тайшей улусов (нойонов), на которые подразделялось Калмыцкое ханство. Постоянная борьба тайшей за власть, их сепаратизм умело использовались царским правительством, заинтересованным как в укреплении ханской власти, так и в сдерживании роста авторитета верховного правителя во избежание консолидации ханства и превращения его в более значимый субъект Российского государства.

Отношения между Россией и Калмыцким ханством основывались на принципах сюзеренитета. Российское подданство долгое время сохраняло добровольно-договорной характер, прямой администрации для калмыков создано не было, а все сношения осуществлялись через «посыльщиков». При этом внешние связи калмыков запрещались. Ханство было официально признано императорской властью, а его правители удостоивались звания хана или наместника ханства.

В начале XVIII в. процесс вхождения калмыцкой элиты в социальную структуру России принял необратимый характер. Почти одновременно правительство стало все в меньшей степени считаться с внутренними обстоятельствами и церемониться с местными традициями, а любой ценой стремилось достичь своей цели – добиться лояльности и послушания калмыков, отвратить от откочевания за пределы России, сохранить их в качестве надежного щита империи на южных и юго-восточных рубежах. Под этим давлением хан начал фактически терять легитимность верховного правителя, превращаясь в имперского чиновника высокого ранга. Параллельно главные местные российские начальники Волжской Калмыкии стали приобретать большие права и пользоваться гораздо большим влиянием, чем российские начальники соседней Башкирии. Они напрямую участвовали в формировании политики империи в регионе, а иной раз и задавали ей направление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и IV. Ограничительные мероприятия правительства по отношению к калмыкам. Астрахань: Калм. обл. исполком, 1929. С.5-6.

² 1655 г. февраля 4. Шертная запись, которой калмыцкие послы клялись в верности государю за всех улусных людей // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т.I. С.356-357.

³ Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII-XX вв.). М.: Наука, 2002. С.60-62.

⁴ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. С.17-18.

⁵ См.: Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике... С.74.

⁶ Об этой дискуссии см.: Команджаев Е.А. Административная система Калмыкии в XVIII-XIX вв. Элиста:

- Изд-во Калм. ун-та, 2009. С.9-11, 17-19; *Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С.84, 91 и др.
- ⁷ *Команджиаев Е.А.* Административная система Калмыкии... С.24.
- ⁸ См. там же. С.33-34.
- ⁹ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / Вступ. ст. М.М. Батмаева; предисл. В. Разумовской. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С.146.
- ¹⁰ Подробнее: *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике... С.80-91.
- ¹¹ 1673 г. февраля 27. Запись шерстная калмыцкого тайши Аюкая Мончакова с товарищи, данная на съезде за Волгою при речке Соляной, в присутствии боярина и воеводы князя Якова Одоевского с товарищи // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т.I. С.923-927.
- ¹² 1677 г. января 15. Запись шерстная калмыцкого тайши Аюкая Мончакова, данная на съезде под Астраханью, на урочище Соляном протоке, при окольном и воеводе князе Щербатове // Там же. Т.II. С.80-86.
- ¹³ Там же. С.82, 85.
- ¹⁴ 1683 г. января 24. Запись шерстная калмыцкого тайши Аюки Мончакова с товарищи, данная на съезде за Волгою, при речке Соленой под Астраханью, при боярине и воеводе князе Андрее Голицыне с товарищи // Там же. С.493-499.
- ¹⁵ *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.I. XVII и XVIII века. Астрахань: Калм. обл. исполком, 1926. С.10.
- ¹⁶ См.: *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике... С.104-105.
- ¹⁷ См.: *Митиров А.Г.* Аюка-хан // Вестник КИГИ РАН. Вып.17. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С.25.
- ¹⁸ *Батмаев М.М.* Внутриполитическое развитие Калмыцкого ханства и связи его с иностранными государствами // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т.I. С.370.
- ¹⁹ *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.III и IV. С.18-19.
- ²⁰ 1710 г. сентября 5. Статьи калмыцкого хана Аюки, учиненные с казанским и астраханским губернатором Петром Матвеевичем Апраксиным на съезде между Астрахани и Черного Яра у речки Даниловки // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т.4. С.547-550.
- ²¹ *Пальмов Н.Н.* Очерк истории... С.28-30.
- ²² Текст инструкции см.: *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.III и IV. С.41-42.
- ²³ *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн.IX. История России с древнейших времен. Т.17-18 / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1993. С.346.
- ²⁴ 1720 г. июля. Инструкция полковнику и астраханскому губернатору Вольнскому // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т.VI. С.225-229.
- ²⁵ Там же. С.228.
- ²⁶ Там же. С.226.
- ²⁷ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов... С.36.
- ²⁸ См.: *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков... Ч.III и IV. С.111-113.
- ²⁹ Текст инструкции см. там же. С.114-117.
- ³⁰ 1724 г. сентября. Шерстные записи, учиненные при избрании Черен-Дондука в наместники Калмыцкого ханства // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т.VII. С.352-354.
- ³¹ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. С.353.
- ³² 1725 г. февраля 22. Жалованная грамота Черген-Дондуку, наместнику Калмыцкого ханства // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т.VII. С.423-424.
- ³³ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т.VIII. С.382.
- ³⁴ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов... С.67-68.
- ³⁵ 1731 г. февраля 17. Жалованная грамота на достоинство калмыцкого хана Чрен-Дондуку с приложением его присяги // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. VIII. С. 383.
- ³⁶ *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков... Ч.I. С.96-97.
- ³⁷ Там же. С. 238-239; ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т.10. С.61-62.
- ³⁸ *Батмаев М.М.* Внутриполитическое развитие... С.394.
- ³⁹ Цит. по: *Пальмов Н.Н.* Очерк истории... С.48.
- ⁴⁰ *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике... С.123.

FORMATION OF THE KALMYK KHANATE AS A SUBJECT OF THE RUSSIAN EMPIRE SINCE THE 17th CENTURY TO THE MIDDLE OF THE 18th CENTURY

© 2015 D.V. Vasilyev

Institute of State Management, Law and Innovative Technologies, Moscow

The article is devoted to the initial stage of formation of the administration system in the Kalmyk khanate. The author focuses on the processes of inclusion the Kalmyk elite into social structure of Russia and creation of parallel governing bodies for the Volga Kalmyks by the Russian government.

Keywords: Oirats; the Kalmyk khanate; Russian history; administration policy; administrative system.